

7. Štolc J. Atlas ukrajinských nářečí na východnom Slovensku // Slavica Slovaca. 1978. Ročn. 13.
8. Чистяков В. Ф. К лингвистическому атласу Кубанского округа // Тр. Кубанского педагогического ин-та. Т. I (IV). Краснодар, 1930.

9. Дзєндзєлєський Й. О. Одна несправедливо забута сторінка історії української та російської лінгвістичної географії // Матеріали ХХІ Наукової конференції Ужгородського державного університету. Сер. філол. Київ, 1967.

Сарджвеладзе З. А. Введение в историю грузинского литературного языка. Тбилиси: Ганатлеба, 1984. 656 с. (на груз. яз.).

Выход в свет каждой новой работы по истории грузинского литературного языка, располагающего полуторатысячелетней письменной фиксацией, всегда вызывает большой интерес. Последний тем более велик благодаря появлению фундаментальных трудов, суммирующих достижения грузиноведения в области, где наличие серьезной исследовательской традиции и, в частности, важных публикаций Н. Я. Марра, А. Г. Шанидзе и ряда других известных картвелистов, неизмеримо повышает ответственность автора и значение каждого нового слова в изучении проблематики. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что рецензируемая книга З. А. Сарджвеладзе вместе с предшествовавшими ей другими его работами аналогичного плана (сошлемся здесь прежде всего на [1]) вносит существенный вклад в решение целой совокупности языковых проблем истории грузинского литературного языка. В монографии при строгом соблюдении хронологической перспективы детально прослеживаются свершившиеся в нем, начиная с V в. н. э., преобразования, которые в конечном счете и обусловили его современный облик. Выводы автора неизменно предваряются скрупулезным обсуждением соображений, высказывавшихся ранее в специальной литературе. В итоге создано крупное исследование, отражающее современный уровень развития картвелистики в целом.

Труд состоит из четырнадцати глав, охватывающих очень широкий круг вопросов. Две начальных его главы характеризуют предмет исследования, истоки грузинского литературного языка (а также затрагивают сложную проблему возникновения грузинской письменности), в III главе обсуждается его диалектная база, в IV — соотношение его норм с узусом живой речи, в V — значение его памятников для построения исторической диалектологии грузинского языка, в VI — специфика языка исторических документов XI—XV вв., VII и VIII главы, в которых раскрывается роль древнегрузинских памятников в деле изучения истории других картвельских языков и соотношение структурных характеристик их языка с конститутивными признаками других литературных языков эпохи,

сыгравших известную роль в становлении его норм, примыкают к двум последующим, посвященным истории изучения грузинского литературного языка и разработке его периодизации. Наконец, XI—XIV главы содержат соответственно весьма детальное рассмотрение вопросов исторической фонетики, именной и глагольной морфологии, а также синтаксиса грузинского литературного языка.

На наш взгляд, необходимо отметить два основных достоинства рецензируемой книги. С одной стороны, это то обстоятельство, что, опираясь на богатейший фактический материал как опубликованных, так и неопубликованных письменных памятников языка, автор вводит в обиход науки множество новых наблюдений (в чем проявляются известные черты филологической школы А. Г. Шанидзе). С другой стороны, это, конечно, то, что методической основой его исследования послужили современные концепции теории литературного языка.

В рассмотрении эволюции разноразличных структурных характеристик языка автор неизменно следует хронологическому принципу. При этом одним из его важных нововведений оказывается внимание к генезису соответствующих явлений в живой речи, различные ступени которого так или иначе находят свое отражение и в литературных памятниках, вопреки их достаточно жесткой норме. На фоне не всегда выдержанной в работах ряда авторов системности в подходе к аналогичному материалу книга З. А. Сарджвеладзе отличается последовательным сопоставлением разновременных срезов в истории языка, вследствие чего обычно намечается единая линия диахронического развития явлений. Среди важнейших положений автора необходимо отметить его вывод о недостаточности существующих в науке критериев периодизации истории грузинского литературного языка, а также предложенный им опыт разграничения двух последовательных фаз в рамках древнегрузинской эпохи (V—VIII вв., с одной стороны, и IX—XI вв., с другой). В плане определения диалектной базы древнегрузинского литературного языка существенным новшеством является его те-

зис, согласно которому таковой послужила некоторая наддиалектная норма речи древней столицы Грузии Мцхеты, а в дальнейшем — речи Тбилиси (с. 83—87), чем, в частности, и объясняются отклонения литературной нормы от особенностей картлийского диалекта.

В числе принципиальных проблем, которые невозможно оставить без внимания в настоящей рецензии, отметим проблему выбора критериев периодизации истории языка, а также тесно связанную с ней вопросы хронологии структурных преобразований. Исследование З. А. Сарджвеладзе свидетельствует о том, что поиск эффективных критериев периодизации, не получившей до последнего времени своей однозначной трактовки, остается программой на будущее. Автор с основанием отмечает, что предложенный А. Г. Шанидзе критерий преобразования способа выражения глагольной категории аспекта, действительно, составляет один из важнейших признаков трансформации древнегрузинской языковой структуры в некоторое качественно новое состояние. Вместе с тем нетрудно предвидеть и дальнейшие трудности, встающие на пути исследования. Так, представляется естественным, что даже самая адекватная периодизация истории языка, учитывающая целую совокупность конкретных признаков, никогда не будет свободной от большей или меньшей схематичности, органически присущей любой рубрикации исторически развивающегося явления. В частности, с обогачением наших знаний все более очевидной становится определенная растяжимость хронологических граней между последовательными этапами истории языка, обусловленная неравномерностью его эволюции (ср. в последней связи подчеркиваемую на с. 268—274 книги различную «языковую» ориентацию литературных жанров, продолжавшуюся вплоть до XVIII столетия, когда, например, нормы древнегрузинского еще достаточно отчетливым образом выдерживались в памятниках церковной литературы).

В работе документально продемонстрированы процессы утраты нисходящих дифтонгов (с. 276—291), диахроническое взаимоотношение графем для *w* и *u*, с одной стороны (с. 291—294), и фонем *x* — *q*, с другой (с. 294—301). В сфере именной морфологии заслуживают упоминания функционально обоснованное вслед за Г. Фогтом признание формы так называемого неопределенного падежа не самостоятельной единицей древнегрузинской падежной парадигмы, а свободным вариантом номинатива (с. 357—360), а также принятие адекватной квалификации современного состава и форм локативных падежей (с. 372—373). В области

исторической морфологии глагола тщательностью своей разработки отличаются вопросы абсолютной датировки изменений, происходивших с течением времени в способах передачи 2-го лица субъекта, настоящего «обычности», категорию залога и аспекта. В плане синтаксиса наиболее интересными представляются разделы, посвященные истории словопорядка в предложении, в которых показана его зависимость от структуры последнего, а также от жанровой принадлежности памятника.

Естественно, что в обширном и многоплановом труде автора рецензенты усматривают ряд дискуссионных положений и неточностей в квалификации фактов, а также отдельные вопросы, требующие дальнейшего исследования.

Так, в плане известной в картвелистике дискуссии об историческом соотношении ханметности и хаементности в глагольных формах субъекта 2-го лица и объекта 3-го лица в рукописях (альтернатива сдвига $*x > h$ или $*h > x$) автор повторяет ранее высказанное им допущение о возможности существования в древнегрузинскую эпоху двух соответствующих «диалектов» (с. 383—393), уклоняясь от решения вопроса об их хронологической приуроченности. Между тем при наличии в сванском языке только *x*, а в заисском ареале лишь \emptyset его разгадку приходится искать именно в грузинском (думается, что уже известная в настоящее время совокупность данных, на которых здесь нет возможности остановиться, довольно определенно свидетельствует в пользу исходности $*x$). Неточна усвоенная автором из предшествующей традиции трактовка личных префиксов *m-* и *gu-* древнегрузинского глагола как алломорф 1-го объектного лица мн. числа (с. 408 и далее). Это должно быть видно из таких глагольных словоформ, как *car-m-iquan-n-a* // *car-gu-iquan-n-a* «(он) повел (нас)», где семантика плюралиса закреплена за суффиксом *-n*. На наш взгляд, в книге недостает хотя бы краткого раздела, посвященного эволюции словарного состава грузинского литературного языка, в определенной степени подготовленного целой серией уже опубликованных в Грузии словарей-симфоний языковых памятников (ср. [2, 3]). В предлагаемом переиздании книги будет необходимо устранить вкравшиеся в нее погрешности (в частности, в подаче библиографии на иностранных языках).

В заключение остается еще раз подчеркнуть, что З. А. Сарджвеладзе удалось создать ценный и нужный труд, синтезирующий достижения предшественников, по-новому освещающий широкий комплекс проблем, традиционно стоявших перед историками грузинского язы-

ка, а также намечающий перспективы дальнейшего изучения предмета. Не приходится сомневаться в том, что это быстро разошедшееся издание станет необходимым отправным пунктом для всех последующих работ в этой области. Ценно, наконец, что книга совмещает в себе жанр исследования и учебного пособия.

Ониани А. Л., Климов Г. А.

Viel M. La notion de «marque» chez Troubetzky et Jakobson. Un episode de l'histoire de la pensée structurale. P.: Didier édition, 1984. 783 p.

Рецензируемая книга — детальное исследование по истории лингвистики XX в. Здесь тщательно прослеживается становление понятийного аппарата классической фонологии и его роль в формировании системно-функционального подхода ко всем явлениям языка. Автор пытается установить точную дату появления того или иного фонологического термина, выяснить, кто именно, когда и в какой связи обнаружил тот или иной фонологический феномен и «изобрел» понятие признака и оппозиции, архифонемы и нейтрализации, корреляции и дизъюнкции, как уточняется содержание в процессе превращения отдельных понятий в целостный понятийный аппарат фонологии; когда было осознано их общелингвистическое значение и кто перенес эти понятия в морфологию, лексику и синтаксис. Исследуя процесс становления общелингвистического характера понятий, зародившихся в фонологии, сам М. Вьель пытается «навести мосты» (*jeter des ponts*) между фонологией, с одной стороны, и морфологией, лексикой и синтаксисом — с другой.

Книга состоит из Введения (с. 9—26), пяти глав, Заключения (с. 703—712) и научного аппарата, включающего в себя Цитацию (с. 711—745), Библиографию (ок. 225 названий) и разного рода индексы (имена, языки, термины).

В первой главе — «Общая фонологическая модель» (с. 27—152) — описываются первые шаги фонологии, первые фонологические понятия, подробно разбирается личный вклад Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона, роль Н. Н. Дурново (с. 127—131), А. Мартине, Б. Трюки, С. Карцевского и др. в создании первой «общей модели» фонологии. Констатируется, что термин «фонема» впервые встречается в работе Якобсона 1923 г. Здесь, по мнению М. Вьеля, заложен базис теории фонем и ее вариантов. Термин «фонологическая система» впервые появляется в январе 1927 г. (Пражская конференция), хотя фонема остается

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сарджвеладзе З. А.* Вопросы истории грузинского литературного языка. Тбилиси, 1975 (на груз. яз.).
2. *Имнайшвили И. В.* Симфония-словарь к грузинскому Четвероголаву. Тбилиси, 1948—1949 (на груз. яз.).
3. *Симфония к поэме Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре»* / Сост. под рук. Шанидзе А. Г. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.).

еще «акустико-моторным впечатлением» (с. 36—37). Датой рождения фонологии автор считает 1928 г. (I Международный конгресс лингвистов), а «Proposition» Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона и С. Карцевского к этому конгрессу — первым фонологическим манифестом. Здесь подчеркивается, что русские слависты — инициаторы фонологии — не были учениками И. А. Бодуэна де Куртена и Л. В. Щербы (с. 38). Это верно. Более того, Трубецкой считал их лишь «наиболее яркими предшественниками фонологии на поприще славистики» [1].

Исследуя отношение основоположников фонологии к школе де Соссюра (с. 51—65), автор отмечает отрицательную реакцию Трубецкого на «невежественные» попытки связать фонологическую концепцию с идеями Соссюра, квалифицируя такого рода попытки как «совершенно возмутительные». По подсчетам Вьеля, в «Основах фонологии» Трубецкого «еще более дюжины» ссылок на Соссюра, «в большинстве своем негативных».

Противопоставление двух типов оппозиций, основанное на различении понятий корреляции и дизъюнкции («Бинном Якобсона»), было выдвинуто Якобсоном в 1928 г. Вместо более равных терминов («акустико-моторное представление», «различие» и др.) к 1930 г. стали использоваться только «фонема» и «вариант фонемы», «архифонема», «опозиция», «коррелятивная пара» и др. В 1931 г. выходит в свет «Проект международной фонологической терминологии» как пробный свод фонологических понятий.

Сосредоточив внимание на проблеме генезиса понятийного аппарата фонологии, М. Вьель оставил в тени титаническую научно-организационную деятельность создателей фонологии в международном масштабе. Новая научная теория могла остаться «частным» делом небольшой группы энтузиастов, если бы они не приложили максимум сил и энергии для пропаганды своей теории. Были